

КОБО
АБЭ

*Совсем
как человек*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Совсем как человек

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Совсем как человек / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1966 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-14733-1

Кобо Абэ – один из самых блистательных японских писателей и вместе с тем один из самых загадочных. Его книги читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Своеобразный, парадоксальный мир, воплощенный в творчестве Абэ, волнует, удивляет и ставит в тупик. Недаром другой известный японский автор Кэндзабуро Оэ назвал Абэ крупнейшим писателем за всю историю литературы. «Совсем как человек» – повесть-головоломка, в которой главному герою вместе с читателем предстоит выяснить, кем же он является на самом деле, задаться парадоксальным на первый взгляд вопросом: «Как доказать очевидное?» Повесть публикуется в переводе известного писателя-фантаста Аркадия Стругацкого.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-14733-1

© Кобо Абэ, 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

1	7
2	9
3	12
4	15
5	17
6	20
7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кобо Абэ

Совсем как человек

Kobo Abe

THE DOUBLE OF HUMAN BEING

Copyright © 1966 by Kobo Abe

All rights reserved

Russian translation rights arranged with Neri Abe through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

Серия «Азбука-классика»

© А. Стругацкий (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

安部公房

1

Этот странный человек появился у меня в один ясный майский день – вошел степенно, словно агент по продаже швейных машин.

Помнится, в тот день с запада дул легкий ветерок. Западный ветер дул с моря, и небо было необычайно чистое. Все дома разом распахнули настежь свои постоянно запертые окна и обнажились, словно торопясь поскорее смыть с себя смоговую грязь. К несчастью, я не могу сказать, чтобы мое душевное состояние было таким же безоблачным, как небо. У меня в комнате все обстояло иначе. Она задыхалась в клубах табачного дыма, однако окна в ней были закрыты и наглухо завешаны плотными шторами, и освещала ее только настольная лампа.

Чего может ожидать торговый агент, рискнувший пробраться в столь мрачное логово?.. При обычных обстоятельствах это все равно что наступить на хвост спящему тигру. Клиент воспользуется случаем сорвать на бедняге свою злость, и тому придется удирать сломя голову под градом отборных оскорблений. Ведь у торговых агентов нет при себе ничего, кроме самого мирного на свете оружия: трех вершков хорошо подвешенного языка.

Но этот человек не был торговым агентом. Не знаю, возможно, у него и вправду не было при себе никакого оружия, кроме языка. Но ведь все зависит от того, как таким оружием пользоваться. Ведь я по природе своей из тех, которые тонут в стакане воды. Тем более что в тогдашнем моем состоянии я был решительно не способен изображать из себя тигра. Если и было во мне что-то тигриное, то разве пожелтевшее от треволнений лицо да еще полосатая пижама, которую я по неряшливости забыл переодеть. И сроду не имел я хвоста, наступив на который можно было бы исторгнуть у меня брань и угрозы.

Что и говорить! На душе у меня кошки скребли. Я сидел и с трепетом ждал. Сошурившись, втянув голову в плечи, я ждал появления злого вестника и свершения несчастного события. Я был раздавлен, справиться со мною в таком состоянии ничего не стоило с помощью даже одного вершка языка. И диковинный посетитель с успехом воспользовался моей слабостью.

И ведь как поразительно все совпало! Умышленно? Случайно? Нет, конечно же, так было задумано. Едва по радио закончили в третий раз передавать экстренное сообщение о мягкой посадке ракеты на поверхность Марса, как в прихожей раздался звонок и мое сердце, которое исходило кровью, разом вспыхнуло и обуглилось, как птенец в пламени пожара.

Я слушал затаив дыхание. Шум раздвигаемой фусума в гостиной... шаги жены по коридору... какие-то они зябкие, словно она вылезла из холодильника... затем негромкие голоса... она возвратилась, без стука скользнула ко мне в комнату и с упреком проговорила, уставившись на меня:

– Там тебя хотят видеть, что-то насчет марсиан...

Что же будет дальше? Вот сейчас я пишу. Но на что мне можно рассчитывать? Во-первых, я даже представить себе не могу, каким образом эти записки попадут к вам в руки. А если и попадут, вы сочтете их бредом сумасшедшего. Сочтете, это уж точно. А если вы паче чаяния один из них? Тогда, наверное, вы уже смеетесь над бедным шутком... Ну что ж, мне придется по-прежнему терпеть эту бессмысленную муку. Так я расплачиваюсь за свою извечную мягкотелость. Но враг вы мне или союзник – у меня нет иного выхода, и я покидаю убежище самоутешения, чтобы смело взглянуть в лицо судьбе.

...Молю Небо, чтобы записки эти попали к такому же ЧЕЛОВЕКУ, как я, к ЧЕЛОВЕКУ в том смысле, какой имеет в виду любая энциклопедия, как это понимает каждый!..

Впрочем, даже если мои надежды исполнились и эти записки читает ЧЕЛОВЕК, у меня все же недостает оптимизма полагать, будто это обстоятельство само по себе делает его моим союзником. Положение, в котором я очутился, до крайности необыкновенное, пожалуй, даже

и нелепое. И пусть вы, на мое счастье, оказались ЧЕЛОВЕКОМ – я все равно сомневаюсь, окажусь ли я ЧЕЛОВЕКОМ в вашем восприятии.

Но ведь только кривое зеркало всегда дает кривое изображение, это же логика! Правильное изображение в кривом зеркале свидетельствовало бы о нарушении логики. Возможно, где-то за пределами евклидова пространства параллельные линии перестают быть параллельными, но поскольку наша жизнь протекает в эмпирической сфере...

Ну довольно. Излишние оправдания только усиливают подозрения и выставляют меня в невыгодном свете. Я могу сколько угодно кичиться своим здравомыслием – толку от этого будет мало. Пока же мне было бы достаточно, если бы вы согласились признать кривое зеркало кривым.

Вот, например, вы. Если бы от вас потребовали представить вещественные доказательства того, что вы являетесь подлинным ЧЕЛОВЕКОМ... наверняка вы бы рассердились или рассмеялись. И правильно. То, что человек есть человек, является неким изначальным условием, не требующим доказательств. Как аксиома о параллельных. Аксиомы в отличие от теорем потому и аксиомы, что доказать их невозможно. Состав крови, рентген и все такое – это лишь атрибутика, которая имеет смысл только при наличии изначальной аксиомы.

А теперь представьте себе безумный суд, для которого любые словесные объяснения логически неприемлемы. Суд безумный, но не настолько либеральный, чтобы признавать невиновность на основании одного только голословного отрицания вины. И вот вас привлекли в качестве подозреваемого, а судей могут убедить лишь такие доказательства, которые можно пощупать руками.

...«Представьте себе», – говорю я. Нет, не для того, чтобы просить вас быть моим адвокатом. Это было бы наглостью с моей стороны. Но если паче чаяния вам будет уготована та же участь, тогда пусть вам придется претерпеть такие же муки, чтобы в полной мере восчувствовать ее несправедливость!..

2

А теперь, отдавшись на вашу волю, я продолжаю рассказ. Итак, жена возвратилась и с упреком сообщила мне о цели визита моего гостя.

– Там с тобой хотят поговорить, что-то насчет марсиан...

Фантастическое сообщение, за пределами здравого смысла, не так ли? Вы, наверное, уже предполагали что-либо подобное, что должно было вызвать у меня, и без того измученного черной меланхолией, взрыв негодования. Раз вы видите меня насквозь, то должны были предположить именно это. Но никакого взрыва не последовало. Я только молча взглянул на жену. Некоторое время мы словно в оцепенении глядели друг на друга, как должники, к которым ворвался кредитор.

И в каком-то смысле так оно и было.

Обычно на лицах людей отражается профессиональная заинтересованность. То же произошло и со мной... Видите ли, дальше мне придется рассказать о своих делах. Посторонним подобные вещи всегда кажутся скучными, но в данном случае заинтересованным лицом являюсь я сам, так что ничего не попишешь. А дела мои были в крайне плачевном состоянии.

Надо сказать, что в одной радиоконпании я вел в качестве драматурга постоянную программу «Здравствуй, марсианин!», передававшуюся по воскресеньям с одиннадцати до полудвенадцатого утра, и это приносило более половины всех доходов нашей семьи. Стараниями моими мне удалось добиться определенного успеха – я получал ежедневно не менее двух десятков писем от слушателей. Так я обеспечивал наше существование в течение почти двух лет... Но когда была запущена на Марс эта ракета, все совершенно переменялось.

Впервые я ощутил эту перемену в середине позапрошлого месяца. Тогда сообщили, что произведена коррекция положения ракеты на орбите и на повестку дня встал вопрос о результате запуска. И вот однажды заведующий редакционным отделом бросил мне в коридоре мимоходом:

– Можете теперь передавать ваши шуточки прямо марсианам...

Поистине, ничего особенного в этих словах не было. И если судить по тону, никакого скрытого смысла они не содержали. Но они все равно открыли мне глаза на истинные намерения компании в отношении моей программы и уязвили меня сильнее, нежели грубое, циничное предупреждение.

Впрочем, подобные демонстрации больше не повторялись. Однако успокоить пробудившуюся настороженность не так-то просто. Я вдруг обнаружил, что не слышу больше критических замечаний, указаний, советов, от которых раньше отбоя не было, как от воробьиного гама по утрам, и в которых мешались самые противоречивые мнения. Мой режиссер сделался вдруг до невозможности уступчивым, совсем перестал припоминать, что я опаздываю с очередной работой и прочие провинности, и во всем со мной соглашался... Несомненно, меня ожидал жестокий приговор и, каков бы он ни был, в нем отражалась чья-то неумолимая воля.

...Вообще говоря, я не собирался так легко сдаваться. У меня тоже было что сказать по этому поводу. Да, ракета, предназначенная для мягкой посадки, наверняка представляла собой нечто новое, качественно отличное от прежних, просто наблюдательных ракет. Да, с ее помощью должно было состояться прикосновение Земли к шкуре непостижимого Марса. Все это я готов признать без малейших колебаний. Но ведь отсутствие высокоорганизованной жизни на Марсе было с очевидностью установлено еще «Маринером-4»! Красная планета, планета молчания и смерти, планета пустынь и инея из замерзшей углекислоты... Ну кто же в наше время может серьезно говорить о существовании марсиан!

А теперь подумайте вот о чем. Есть ли в мире хоть один читатель, который воспринимает, скажем, «Путешествия Гулливера» Свифта как реалистическое произведение? Если и есть,

то это, конечно, какой-нибудь помешанный с извращенным воображением. Фантастичность «Гулливера» является изначальным условием, лежащим за пределами дискуссий. Совершенно так же и мой марсианин (вы, несомненно, согласитесь с этим, если хоть раз слышали нашу программу) – в конечном счете своего рода современный мистер Гулливер, фантастический персонаж; оценивая людей совершенно иными мерками, он старается открыть им глаза на то смешное и нелепое, чего сами они невольно не замечают... Но раз уж он персонаж фантастический, то разве не более под стать ему быть марсианином, о котором уже решено, что он не существует, чем марсианином, насчет которого строятся неуклюжие догадки?

Поэтому, если бы на меня давила только администрация радиоконпании, я бы не упал духом до такой степени и уж как-нибудь пережил бы все эти неприятности. Конечно, с моей стороны смешно было бы рассчитывать на то, чтобы переубедить нашу чиновничью братию, которая никак не может взять в толк разницу между фантастикой и реализмом. Но у нее, у этой братии, имелось слабое место: простодушная убежденность в том, будто все решается в конечном счете одним-единственным индикатором, и индикатор этот – благосклонность радиослушателя. И пока тревога начальства – эгоистическая тревога о том, что марсианская ракета нацелена прямо в моего марсианина и может нанести ему смертельную рану, – не нашла себе явственного подтверждения в показаниях этого индикатора, до тех пор у меня еще оставалась возможность гнуть свою линию. Если вы полагаете, будто реально существующая ракета способна поразить фантастического марсианина, самоуверенно рассуждал я, то почему вы не боитесь, что пулемет, стреляющий на киноэкране, может ранить и убивать зрителей? Да, я был беспечен и наивен. Сама логика подсказывала, что долго так продолжаться не может. И очень скоро, в унисон с настроениями администрации, на меня дождем посыпались злобные письма радиослушателей и ехидные комментарии обозревателей.

«...В нынешнем году мне исполняется семьдесят шесть лет. Для отдыха врачи прописали мне дневной сон в течение одного часа. Однако, услышав такую антинаучную передачу, я почувствовал себя так, будто наступил конец света, я не могу сдерживать благородного негодования, от волнения у меня нарушен мой покой, это укорачивает мои дни, и я настаиваю, чтобы вы подвергли свои произведения самой суровой самокритике».

«...Хотелось бы знать, есть ли у господина автора дети? Наши дети мечтают об успешной посадке марсианской ракеты, надежда эта переполняет их сердца. Неужто же автор не испытывает никаких угрызений совести, когда болезненно ранит чистые детские сердца злобными издевательствами вроде передачи „Здравствуй, марсианин!“? Как мать единственного ребенка, обращаюсь к вам с просьбой. Чтобы из этого антипедагогического марсианина поскорее сделали передачу „Прощай“».

Да, я был разбит по всей линии. Нет среди людей существ более жалких и несчастных, нежели те, у кого отсутствует чувство юмора. Передавать для них мою программу было все равно что показывать обезьянам обезьяний цирк. Помнится, у какого-то автора я прочитал: если не можешь насмешить, то остается только либо умереть, либо отомстить... Честное слово, как бы я отвел душу, если бы можно было стрелять по радио из пулемета!

...Однако у меня была семья, которую мне надлежало кормить; это уже была реальность, а не фантазия, и я не мог позволить себе роскошь попусту взвинчиваться.

Я терзался ощущением собственного бессилия, а между тем ракета продолжала мчаться к Марсу со скоростью тридцать километров в секунду, и сам факт ее существования, как зловеющий кошмар, отягощал мою душу. Я был загнан в угол и лихорадочно метался в поисках выхода. Как вернуть моему марсианину утраченные позиции? Я готов был для этого на все – на самое позорное соглашение, на обман...

И вот в один такой день я увидел маленькую заметку на последней полосе какой-то вечерней газеты...

«Инцидент с летающими блюдцами, вызвавший вчера вечером панику на Н-ской станции государственной железной дороги, ко всеобщему разочарованию, разрешился известием, что речь шла всего-навсего об игре неоновых огней на рекламной вышке, потонувшей в густом тумане. Некоторые свидетели, однако, утверждают, что огни были видны совсем в другом направлении, и сегодня весь день платформы станции кишели зеваками, число коих в несколько раз превышало обычное число пассажиров. Впрочем, даже специальная комиссия американского сената признала, что, хотя большинство из 20 014 зарегистрированных неопознанных летающих объектов оказалось метеоритами или объяснялось разного рода атмосферными явлениями, все же 1021 случай истолковать невозможно. Наша страна отстала в космическом соревновании, и, если бы нам посчастливилось стать первыми, кто вступил в контакт с инопланетными существами, мы восприняли бы это как большую честь. Если бы летающие блюдца приземлились у нас, мы бы постарались всеми мерами выразить наше дружелюбие, решительно воздерживаясь от опрометчивых поступков...» и так далее.

3

Кажется, статья эта попала мне на глаза в электричке, когда я возвращался из радиостудии. У меня вдруг все похолодело внутри, я почувствовал, будто что-то во мне вот-вот взорвется, и принялся вновь перечитывать заметку. Строчки бикфордовым шнуром бежали перед глазами, и, едва я дочитал до конца, с ослепительной вспышкой грянул взрыв. Когда взрывная волна достигла мозга, моя идея приняла отчетливую и ясную форму.

На первой же остановке я выскочил из электрички и бросился к ближайшей телефонной будке. Наверное, мне не следовало пороть горячку. Наверное, надо было вернуться в студию или поспешить домой, чтобы сперва набросать свой план на бумаге. Во всяком случае, сначала следовало тщательно разработать тактику, а потом уже звонить. Но ракета неумолимо мчалась к Марсу, посадка предполагалась меньше чем через три недели, надежд у меня больше не оставалось никаких, и мою душу распирало ненадежно загнанное вглубь нетерпение. Да нет, дело было не только в этом. Я буквально гнулся под сладкой тяжестью своей великолепной идеи. Мне не терпелось поскорее щелкнуть по носу нашу чиновничью братию, а пуще всего я хотел успокоить жену и вернуть в семью мир и спокойствие. Ибо несчастна жена, потерявшая веру в мужа, но трижды несчастен муж, утративший доверие жены.

Когда в телефонной трубке отозвался голос моего мучителя, заведующего редакционным отделом, я заговорил каким-то развязным тоном, удивившим меня самого:

– Нашел. Придумал превосходный трюк. На той неделе и начнем. Форма, стилистика – все будет совсем другое... поворот, так сказать, на сто восемьдесят градусов...

– Погоди-ка, – перебил он меня скупающим насморчным голосом. – Ты же знаешь, программа целиком доверена тебе...

– Да нет, вы послушайте сначала. Изменим все следующим образом... Короче, например... Во вступлении ведущий зачитывает письмо, в котором к нам обращаются за советом...

– Что это у тебя так шумит? Электричка, что ли?

– Шумит? Может быть, перезвонить из другого места?

– Послушай, разговор все-таки серьезный, давай как-нибудь без спешки...

– Спешить надо нам обоим, не одному мне. Ракета нас ждать не станет, сами понимаете.

Но это ничего, теперь все уладилось. Наш марсианин решительной контратакой склонил чашу победы на нашу сторону. Итак, ведущий зачитывает письмо... Пусть это будет, к примеру, проникновенная мольба некоей добропорядочной матери семейства... Сейчас я вам его прочитаю.

– Прочитаешь? Это что же, настоящее письмо?

– Да нет. Я его только что выдумал. – И я затарабанил без передышки, поддельваясь под тон ведущего: «...Мы женаты уже одиннадцать лет. Муж мой всегда был человеком безупречным, добрым супругом, хорошим отцом. Но вот недавно, вернувшись со службы, он заявил, что видел летающее блюдце. С тех пор он стал получать сигналы от людей с этого летающего блюдца. Каждый раз, когда они его вызывают к себе, он уходит даже среди ночи, и бывает, что проводит вне дома многие часы. Я спрашивала его, куда это он уходит, но он ничего не рассказывает, ссылаясь на запрещение людей с летающего блюдца. Не раз я уговаривала его пересмотреть свое поведение, потому что могут быть неприятности по службе, но он велит мне не беспокоиться понапрасну и положиться на него, поскольку рано или поздно люди с летающего блюдца вступят в переговоры с правительством и тогда, мол, его назначат на важный пост в переговорной комиссии. И все же я сильно беспокоюсь и часто не сплю по ночам. А теперь он уже сам напускается на меня и грозит, что разойдется со мной, раз я ему не верю. Может быть, мой муж спятил? И еще расскажите, пожалуйста, существуют ли эти летающие блюдца на самом деле?..»

Мне показалось, что на другом конце провода тоненько хихикнули. Ободренный, я набрал полную грудь воздуха и продолжал:

– Окончив чтение, ведущий объявляет, что мы пригласили в студию автора письма, а также нескольких специалистов, с которыми мы консультировались. Они выразили желание задать ряд вопросов... Пусть это будет, например, врач-психиатр, писатель-фантаст, астроном, член комитета по изучению летающих тарелок, сотрудник МИДа... Чем больше, тем интереснее...

– И все, конечно, поддельные?

– Нет, специалисты пусть лучше будут настоящие. Я уже сказал вам, все будет совсем иначе, чем прежде... Одним словом, ставка у нас здесь на то, что всем будет страшно любопытно: как повернется дело дальше? Представляете, какое это будет удовольствие, когда у них развяжутся языки! Но истинный гвоздь программы еще впереди. Когда дебаты между нашими приятелями-специалистами начнут смешить публику, пускай снова вмешается ведущий. Так и так, прошу простить, но мы только что получили одно интересное сообщение. Это донесение частного детектива, нанятого присутствующей здесь госпожой... Сударыня, вы не будете возражать, если мы сейчас это донесение зачитаем? После секундного замешательства автор письма застенчиво выражает согласие. И вот ведущий при всеобщем внимании зачитывает донесение этого детектива... Как вы полагаете, что в нем такое?

– Ну откуда мне знать...

– Оказывается... – я сделал эффектную паузу. – Оказывается, здесь замешана женщина!

– Женщина?

– Он нагло обманывал жену. Люди с летающего блюдца были предложением... на самом деле он таскался к другой женщине.

Я кончил и перевел дыхание. Я ждал, что вот сейчас до меня донесется благожелательный хохот. Но никакого хохота не было, слышался лишь какой-то шорох. Забеспокоившись, я уже раскрыл было рот, чтобы удостовериться, на месте ли мой собеседник, но тут он произнес:

– Позволь, а как же твой главный герой? Как же марсианин?

Этот его дурацкий тон мог бы сбить с толку кого угодно, но секрет альпинизма заключается в том, чтобы никогда не оглядываться вниз. Я решил, не обращая ни на что внимания, продолжать атаку в соответствии с избранной тактикой.

– В том-то и дело. Для этого, собственно, я вам и звоню. Да, марсианин исчез... точнее говоря, вывернулся наизнанку, сделался как на фотографическом негативе... и потому, сами понимаете, название нашей программы теперь лжет. Естественно, название это придется переменить. Я уже думал над этим вопросом и предлагаю взять «Прощай, марсианин!». Как вы считаете?

– «Прощай, марсианин!»?..

– Да. По-моему, это довольно удачно, не так ли?

– Пожалуй... Не знаю; может быть, и удачно...

Мне показалось, что я уже перетянул его на свою сторону. Напряжение схлынуло, и я продолжал не так напористо:

– Мы по опыту знаем, что люди не любят шуток. Марсианин стал провалившимся фарсом. – Ну и что же, подумал я, а кто нам мешает попытаться переиграть этот провалившийся фарс заново?

– Нет, а это действительно изящно! – вдруг оживился заведующий, словно до него наконец дошло. – Послушай, ведь действительно неплохо! Остроумнейшая идея – так украсить последнюю передачу программы «Здравствуй, марсианин!». Мы не забрасываем грязью заходящую звезду, мы провожаем ее с честью, и эти наши чувства, я уверен, будут должным образом оценены.

– Вы меня не поняли! – растерянно вскричал я. – При чем здесь последняя передача? Это же только начало! Мы лишь назовем программу «Прощай, марсианин!» и будем продолжать ее в соответствии с новым названием... Я намерен обратить зло во благо, понимаете? Поэтому...

– Глупости, – прервал он, как бы отталкивая меня. – Ты слишком много захотел. Я уже не говорю об общем положении дел, но вот так взять и сменить название – это же означает признать перед всем светом, что мы не уверены в себе. Неужели ты этого не понимаешь? Эфир, знаешь ли, является все-таки общественным достоянием. Подобная безответственность недопустима. И потом, слушай, неужели у тебя нет чувства собственного достоинства?

– Думаю, что-то в этом роде у меня есть. И все же изменение названия и стиля вовсе не обязательно означает изменение основного духа программы... С самого начала меня интересовали проблемы земного человека, а всякие там марсиане были не больше чем средством...

– Ну не скажи. Даже безлюдный полюс таит в себе некие чары, которые действуют на воображение. А уж Марс, пусть он будет сколь угодно пустынным, надменным, негативным, он и подавно являет собой загадку и тайну, и отрицать это может только такой сноб, как ты.

– Поймите, проблема лежит совсем в ином измерении...

– Короче говоря, вот что. Как руководитель отдела я не могу позволить себе согласиться на изменение названия.

В стекло постучали. Молодая женщина, ожидавшая своей очереди, раздраженно барабанила по стеклу телефонной будки. Из-за ее плеча недовольно хмурился на меня длинноволосый мужчина.

– Прошу прощения, подождите секунду... Я говорю из автомата, здесь собралась очередь, так что я сейчас перезвоню из другого места...

– Да нет, зачем же, давайте на этом закончим, – безразличным тоном возразил он. – Между прочим, Марс – это не Луна, и вероятность неудачи по техническим причинам там гораздо больше, не так ли? Ну вот и будем уповать на то, что посадка марсианской ракеты окончится неудачей...

4

Я лишь растревожил спящего льва. Я был глубоко унижен, продолжать контратаку больше не имело смысла, и оставалось только покорно ожидать известия об успешной посадке злосчастной ракеты.

Но когда это известие наконец пришло, оно буквально потрясло меня. Чувство горькой обиды и унижения, владевшее мною, почти исчезло, уступив место ощущению полнейшего краха. «Вся аппаратура работает нормально!» – повторяли экстренные выпуски, и каждый раз перед моим мысленным взором вставала эта ракета – уже не просто механизм, а сама мысль человеческая. Несколько месяцев ракета со своей резкой черной тенью – сгусток человеческой мысли – будет жить на обширных равнинах загадочной пустынной планеты, будет жить и посылать на Землю информацию. Да, рядом с этим вещественным образом мой марсианин был пустым и фальшивым призраком. Замок моей фантазии, подобно привидению, исчез в лучах утреннего солнца, и главную роль в этом сыграла бедность не столько обывательского воображения, сколько моего собственного. До последнего момента я не мог набраться смелости признать себя побежденным и вот потерпел сокрушительное поражение. Убит был не марсианин. Убит был я сам.

А теперь, конечно, я сидел и ждал ультиматума, который рано или поздно должна была послать мне радиоконпания. И когда ко мне явился посетитель и сказал, что хочет поговорить о марсианах, я, естественно, решил, что это посыльный из студии. Все для меня было предопределено. Все заставляло меня ждать внезапного удара по самому незащищенному месту.

Жена настойчиво повторила:

- Проводить его к тебе?
- Может быть, это режиссер?..
- Да нет, непохоже.
- И не заведующий отделом?..
- Никогда раньше его не видела...

Вот тут я должен был насторожиться. Вряд ли на студии могли дойти до такого бесстыдства, чтобы послать ко мне какого-то незаметного, неизвестного мне служащего без предварительного уведомления по телефону... Однако дух мой был уже сломлен, я ожидал дурных вестей, и мне было не до подозрений. Неодолимая робость все более овладевала мною.

– Хорошо, я сам к нему выйду.

Я поднялся, избегая взгляда жены. У меня было такое ощущение, будто меня сейчас поволокут на плаху. Я проклинал ракету, я ненавидел бесплодие Марса...

– Держись, – сказала жена.

Она сказала это совершенно спокойно, но мне почудилось, будто она упрекает меня за непрактичность, и я взъерошился.

– А что мне держаться? – сказал я. – Подменю марсианина жителем какой-нибудь планеты АВ-4-Н, вот и все...

– Я ведь просто так сказала «держись»... Хорошо бы здесь окно открыть.

– Не нужно.

– Табачный дым глаза ест. Ты устроил поминки по марсианину?..¹

– Не по марсианину. По себе самому.

– Так тебе и надо. А производить дурное впечатление еще и на посетителей совершенно ни к чему.

– Мне уже ничто не поможет.

¹ В японских храмах на поминках принято употреблять курительные палочки. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Притушив недокуренную сигарету о край пепельницы, полной окурков, я бросил: «Провались они пропадом, марсиане!» – и, щелкнув языком, вышел из комнаты. В то же мгновение зазвонил телефон. Из студии, подумал я. Значит, все правильно. Просто предварительный звонок запоздал или посыльный явился раньше времени.

– Сейчас выйду, – проговорил я, протягивая руку к трубке. – Скажи там ему, пожалуйста, пусть немного подождет.

Едва закрылась дверь за женой, как из трубки мне в ухо ударил торопливый голос молодой женщины:

– Алло, сэнсэй, не у вас ли сейчас человек, который говорит, что хотел бы потолковать с вами о марсианах? Мужчина... Это, видите ли, мой муж.

Странно. Я готовился совсем не к тому.

– Простите, вы говорите из студии?

– При чем здесь студия? Я говорю, это мой муж. Видите ли, дело в том, что он страдает раздвоением личности.

– Раздвоением... То есть он сумасшедший?

– Он страстный почитатель вашей, сэнсэй, программы «Здравствуй, марсианин!». Я, конечно, не хочу сказать, будто это единственная причина, но факт остается фактом, он вбил себе в голову, что он – марсианин... Во всяком случае, он не пропустил ни одной вашей передачи, слушает только вашу программу и знать ничего не хочет... А тут еще сегодня утром сообщение об этой ракете. Он страшно разволновался и с самого утра только и твердит, что непременно должен поговорить с вами...

– Вот оно как, сумасшедший... – У меня к горлу комом подступил горький смех, словно я опился содовой воды.

– Да, он всего три дня как вышел из больницы.

– А что, это очень неприятно – вбить себе в голову, что ты марсианин... даже если ты сумасшедший? – Смех лягался во мне, и я не мог понять, смешно мне или я отчаянно злюсь. – Ну хорошо, спасибо, что предупредили. Действительно, какой-то тип ко мне явился. Но вы не беспокойтесь, я его выставлю в два счета...

– Нельзя, что вы! – вскричала она, и мембрана в трубке задрезжала, как будто рванули пополам газетный лист. – Это же очень опасно! Ведь мой муж – буйный...

В ее голосе было столько искреннего чувства, столько любви и беспокойства, что я заколебался.

– Но тогда... как же его выписали из больницы?

– Слишком силен был стимул. Эта самая ракета. Он нарочно притворился тихим, спокойным... Но вы не волнуйтесь, он никогда не буйнит, если его не доводят. Вы только слушайте его, и все будет в порядке. Он на удивление тихий и покорный, если его слушают. Тяжелее всего бывает, когда ему кажется, что на его слова не обращают внимания. Так что можете не беспокоиться. Я буду у вас через тридцать минут. Не вздумайте звонить в больницу или там в полицию, иначе он так разбушует, что его уже не остановишь. Кроме меня, с ним никто не умеет управляться. В прошлый раз, когда он пришел в ярость из-за каких-то пустяков, потребовались трое здоровенных мужчин, чтобы справиться с ним. И то, когда санитарная машина отошла, у одного была сломана кисть руки, у другого были три раны на лбу, а у третьего выбиты три зуба. На внешность его вы не смотрите, он ужасно силен. В общем, слушайте его с наивным видом, и он будет доволен... Убедительно прошу вас, всего тридцать минут!

Не дожидаясь моего ответа, она повесила трубку. Вот уж действительно положение! Я было с облегчением вздохнул, когда узнал, что это не посыльный из студии. Но спятивший почитатель – нет, слуга покорный, если это и лекарство, то слишком сильное. Отчаяние, злость, глупость перемешались и кипели во мне. Я долго стоял как загипнотизированный, уставясь на телефонную трубку, не зная, что еще может вырваться из нее.

5

- Оказывается, этот тип у нас в прихожей, он вовсе не из студии.
- Кто же он?
- Из этих. – Я покрутил указательным пальцем над головой. – Мой почитатель.
- Радости мало.
- Да, плохо. Послушай, прими его вместо меня, а?
- Это психа-то?
- Я ведь должен как-то собраться с мыслями и подготовиться... Настоящий посыльный все равно придет рано или поздно.
- Не сдаешься?
- Я должен сделать все, что в моих силах... А этот тип, который к нам явился, вдобавок еще из буйных.
- Этого только не хватало! – Она вдруг рассердилась. – Ты что же, предлагаешь мне посидеть часок-другой с буйнопомешанным?
- Ты меня не поняла. Если просто слушать и не перечить ему, он ведет себя вполне нормально. И кроме того, мне определенно обещали, что через тридцать минут за ним приедут...
- Ну вот ты с ним сам и посиди. Без меня.
- Ты здесь больше подходишь. Ты будешь смягчающе действовать на него своей женственностью.
- Будет тебе врать. В конце концов, это твой почитатель, а не мой.
- Послушай, мне сейчас не до почитателей. К тому же этот тип еще вбил себе в голову, будто он марсианин. Пойми, для меня это слишком тяжело!
- Так он марсианин?! – Она расхохоталась цинично и злобно. – То-то я смотрю – у него посередине лба третий глаз прорезывается...
- Над этим не шутят. Надо же иметь сочувствие, в самом деле. Если подойти к нему дружески, проявить интерес, какую-то душевную близость...
- Всю жизнь об этом мечтала! И ты посмел надеяться, что я... Нет уж, друг мой, что сам посеял, то и жни.

Произнеся эти слова, жена тут же удалилась. Возможно, вы вспыхнете негодованием: так ли должны вести себя жены в осажденной крепости? Но ведь это я во всем виноват. Я с самого начала согласился на капитуляцию, я с самого начала обманул доверие своей жены. Вы сомневаетесь? Но ведь я попытался отгородиться женой от сумасшедшего, который, как назло, обратил мою трагедию в дрянной фарс. Такое мужьям не спускают. Да, поистине тяжкая ноша свалилась мне на плечи. Пока я тянул время, предаваясь праздным размышлениям, со стороны прихожей слышались торопливые шаги. Я вспомнил телефонный разговор и содрогнулся. Никакие унижения не причинят мне столько ущерба, сколько мой гость, если я доведу его до бешенства. Поговорку «что посеешь, то и пожнешь» не жена придумала, но предъявлять сейчас какие бы то ни было претензии вряд ли уместно... Итак, не будем юлить и скажем «здравствуй» призраку нашего марсианина!

Посетитель стоял спиной к свету, падавшему из прихожей, как бы слегка сутулясь, прижимая обеими руками к груди черный кожаный портфель и являя собой вид усердный и несколько пристыженный.

Лица его против света я хорошенько не разглядел, но он улыбался добродушной улыбкой, какая бывает только у агентов, торгующих предметами домашнего обихода, и больше ни у кого. Впрочем, покрой и расцветка его фланелевого костюма были, пожалуй, слишком изящны и ярки для торгового агента.

Мне сразу бросилось в глаза, что он невысокого роста и хрупкого телосложения. Может, он и был буйнопомешанным, но ничего ужасного в его облике я не заметил. Ничего в нем не было от того страшного образа, который я нарисовал себе после разговора с его супругой. Едва я облегченно вздохнул, как он воскликнул негромким взволнованным голосом:

– Как я рад вас видеть, сэнсэй!

Затем он перегнулся, наклонился ко мне и хихикнул. Этот смешок неприятно поразил меня, и я отступил на шаг, а он затараторил:

– Я почитатель вашей программы, сэнсэй. Хорошие это передачи, в высшей степени поучительные. И вот я решил сегодня посетить вас, сэнсэй, дабы предложить поразительный материал... Даю вам слово, это самая настоящая сенсация, и как раз для вашей программы!

Он выпаливал все это без передышки, умудряясь в то же время кокетливо хихикать. Хорошенькое дело, неужто он будет продолжать все тридцать минут в том же духе? Я уже сыт по горло.

– Вот как?..

– Нет, не благодарите меня. Я ваш почитатель, и мне довольно будет, если я сумею стать вам полезным. Честное слово!

– Вот как?..

– Честное слово, не из каких-нибудь там низменных побуждений, ничего подобного! Вы только мне поверьте, больше мне, право, ничего...

– Разумеется, я вам поверю. И благодарю вас. От души благодарю.

– Вот даже как? – Он склонил голову набок и засмеялся. – А я-то думал, что вы будете очень удивлены.

– Ничего, не беспокойтесь. Опыт у меня все-таки богатый, меня уже ничем не удивишь.

– Правда?.. Тогда я вам прямо скажу... – Он провел по губам кончиком языка и неловким движением засунул свой портфель под мышку. – Дело в том, что я не какой-нибудь обычный человек. Я марсианин.

Захваченный врасплох из-за его придурковатого тона, я машинально произнес:

– Ага, вот оно как...

В тот же момент лицо его помертвело, словно повернули выключатель. «Ах, черт поberi!» – спохватился я, но было уже поздно.

– Странно... – проговорил он печальным упавшим голосом. – Вы нисколько не удивились.

В замешательстве я попытался исправить промах, но по дурацкой своей неловкости только окончательно все испортил.

– Ну как же... Удивился, разумеется... Вот вы сказали, что вы – марсианин, и я был просто поражен...

– Да, понятно... – С тем же мертвенным выражением лица он устремил взгляд на свои пальцы, поглаживающие крышку ящика для гэта. – Только знаете, мне довольно трудно разговаривать стоя. Все-таки у вас на Земле сила тяжести значительно больше, чем на Марсе. Здесь мы быстро устаем. Может быть, вы разрешите мне войти в комнату?

Произнеся эти слова, он перенес вес тела на одну ногу и легонько вздохнул. Очень хитрый психологический маневр. Его умение владеть своим лицом пробудило во мне ощущение какой-то угрозы, заставило вспомнить о звере, который в любой момент готов оскалить клыки, и я совершенно оробел. Наверное, виноват был все тот же телефонный разговор.

– Конечно, конечно... Пожалуйста... – пробормотал я.

И тут он вдруг мгновенно вернулся к прежнему тону:

– Можно? Ну вот и превосходно!

Он нагнулся и стал расшнуровывать ботинки. Весь напрягшись, как напрягаются скулы при скрежете зубовном, я прошелся по коридору. Я думал, что в беседе с умалишенным есть

что-то не совсем взрослое, но долго ли будет длиться это жалкое подыгрывание собеседнику?.. И я решил продемонстрировать свойственный мне дух сопротивления.

– Жена! – крикнул я. – Принеси гостю чаю!

Я сказал – сопротивление?.. Ну какое же это сопротивление? В лучшем случае просто злобное ворчание, вот и все. Ворчание... Да, это ворчание на тупость моей супруги, которая спихнула мне сумасшедшего марсианина, с тем чтобы я загладил свою вину. И еще самоуничтожительное ворчание на самого себя, который у всех на глазах погубил свою душу и тело, связавшись с марсианином... и подумать только, что этот марсианин – мною же созданная иллюзия!

Послышался визгливый добродушный смех, и затопали мелкие шажки.

– Слышу! Сейчас вам будет чай!

6

– Сюда, пожалуйста, вот на этот диван...

– Да нет, зачем же! – Мой гость с преувеличенной поспешностью попятился, при этом едва не опрокинув с полки цветочный горшок. – Для меня, знаете ли, и в коридорчике ладно будет, честное слово. Не затрудняйтесь, прошу вас.

Резко отпихнув меня, он устремился к стулу возле двери.

– Но вам же неудобно будет на этом стуле! Что вы стесняетесь, право?!

– Странно... – проговорил он, заглядывая снизу мне в лицо. – Вы что же это, сэнсэй, боитесь меня, что ли? Норовите запихнуть в угол, словно для того, чтобы иметь возможность в любой момент выскочить из комнаты?

– Какая ерунда! – с негодованием воскликнул я, но в негодовании моем было слишком много силы и очень не хватало искренности. Я не мог утверждать, что не имел такого умысла, и, для того чтобы сохранить лицо, мне оставалось лишь подкрепить слово делом.

Так я волей-неволей очутился на диване, а сумасшедший марсианин занял стул возле двери.

Окна были завешены портьерами, но свет лампы был сильнее света, который чуть просачивался сквозь щелки в портьерах на спину гостя. Я впервые разглядел его лицо. Вопреки моим ожиданиям оно казалось слабавольным и каким-то беспомощным. Длинная птичья шея; костлявый кадык, покрытый пупырышками; тоскливо опущенные углы рта; впалые, с землистым оттенком щеки; набрякшие веки, словно у больного базедовой болезнью... Впрочем, когда он начинал смеяться, втягивая голову в плечи, выражение робости мгновенно сменялось выражением такой наглости, что я невольно отворачивался.

Чтобы протянуть время, я закурил. Тогда он осторожными движениями, будто хрупкую восковую палочку, размял и сунул в зубы сигарету, после чего расслабился и распластался на стуле, словно сушеная каракатица. С наслаждением отдыхая от тяжести собственного тела, он испустил долгий вздох и, раздувая ноздри, произнес:

– У вас отличная комната, сэнсэй, мне у вас нравится...

Ничего себе – отличная комната! Беспорядочные груды старых книг и журналов... клочки черновиков и карандашная стружка... цветочный горшок, приспособленный под пепельницу, и обсыпанный перхотью стол... О вкусах не спорят, но подобные любезности явно не нуждаются в ответных репликах, и я промолчал, продолжая попыхивать сигаретой.

– Отличная комната, отличная комната, отличная комната... – повторил он несколько раз нараспев и вдруг, усевшись прямо, сказал: – И вы знаете, сэнсэй, чем мне ваша комната нравится? Вот этим ее настроением, тем, что в такой солнечный день у вас задернуты шторы... Для землянина, наверное, это просто грязная конура, но для марсиан это именно то, что требуется. Ваше земное солнце слишком ярко для нас. Впрочем, еще хуже ваша чудовищная сила тяжести... Вы ее, конечно, не замечаете, как воздух, но для организма, прибывшего к вам из мира, где она составляет всего какие-то триста девяносто дин, жить здесь то же самое, что в скоростном лифте, который стремительно наращивает скорость. Нам снится ночами, как этот лифт прошибает потолок и уносится на край Вселенной. Возникает ощущение ужасающего одиночества. Вы знаете, у марсиан, живущих на Земле, неизбежно развиваются неврозы. Им кажется, будто утрачена твердая почва под ногами. И в конечном счете – они начинают бояться открытого пространства, то, что противоположно так называемой клаустрофобии... Вот почему мне так хорошо в этой атмосфере, в этой комнате... Да, сэнсэй, вы отлично понимаете марсиан...

Надо же, какие бывают психи, думалось мне, но в то же время я, конечно, не мог не поразиться его взгляду на тяготение и все прочее. Рассуждения его не лишены вкуса и тонкости. И он, видимо, изрядно сроднился с мироощущением марсианина, раз сам, не опираясь на

опыт, сумел выработать такие яркие чувственные представления. У меня, например, ничего подобного не получилось, хотя я долго пробыл среди своих воображаемых марсиан. (Расскажи он мне все это раньше, я бы, наверное, смог сделать лишних три-четыре передачи для своей программы.) Одним словом, хоть он и сумасшедший, но сумасшедший экстра-класса... Внимание мое рассеялось, а между тем мне следовало быть настороже.

Непринужденно, взглядом оценщика, он оглядывал углы комнаты и вдруг, посмотрев на меня, вкрадчиво произнес:

– Что же это мы, однако... все как-то вокруг да около. Вот скажите мне, пожалуйста, сэнсэй, вы любите необычных посетителей?

– Нет, не особенно...

– Так я и думал. Даже по этой вашей комнате видно, что вы – человек необщительный. Вы скорее личность самодовлеющая, подозрительная и, несмотря на всю вашу мировую грусть, эгоистическая. Вам бы таких, как я, ваших почитателей, на порог не пускать, и вдруг вы приглашаете меня в свой кабинет и снисходите до дружеской со мною беседы. Согласитесь, есть в этом нечто противоестественное.

– Ничего подобного. Просто с чисто профессиональной точки зрения почитатель является достаточно важным гостем... и кроме того, ведь вы, насколько я понял, принесли какой-то сенсационный материал...

– Сенсацию я вам уже изложил. То, что я не человек, а марсианин...

– А, да-да... Это, разумеется, поразительная сенсация...

– Ну вот, вы опять несете благоглупости. Как вы позволяете себе столь беззастенчиво лгать?

– Что вы имеете в виду? И почему это вы так выражаетесь?..

– Ну а как же? Как же еще? К вам, специалисту, является человек, называет себя марсианином, и вы не выказываете ни малейшего сомнения. Согласитесь, это абсурд. В чем же дело? Или со мной здесь шутки шутят?

– Вы меня как-то переоцениваете. Какой там я специалист? Так, пишу для радио, кое-чем интересуюсь, конечно...

– Но ведь не сумасшедший, не идиот же?

– Ну знаете... – Я было вспылал, но тотчас спохватился, что мой собеседник – псих и, если я поддамся на провокацию, расплачиваться придется мне, а не ему. Взглянув на часы, я убедился, что прошло всего пять минут. Еще двадцать пять минут... только бы продержаться, скорее бы все это кончилось. – О таких вещах даже в газетах пишут.

– Сейчас уже не времена Уэллса, и вам должно быть известно, что на Марсе высокоорганизованных животных нет. Данные, более достоверные, нежели простые догадки, убедительно свидетельствуют, что в крайне разреженной атмосфере и при почти нулевой влажности жизнь, сколько-нибудь подобная земной, существовать не может. Или... – Он понизил голос и произнес, улыбаясь не то цинично, не то издевательски: – Скажите, сэнсэй, а может быть, я не кажусь вам высокоорганизованным животным, а? Не стесняйтесь, скажите! Каким вы видите мой образ?

Ну до чего же утомительный и настырный псих! Никогда не думал, что умалишенные могут быть такими въедливыми. Чем больше ты ему поддакиваешь, тем больше он вдохновляется и только запутывает нить. Но с другой стороны, отказаться поддерживать разговор было бы еще более опасно. Не зная хорошенько, что ответить, я промямлил:

– Ну... это, видите ли, вопрос очень деликатный, сложный... Что представляет собой ваш образ? Понимаете, человеческий глаз – это не фотоаппарат, тут непременно примешивается элемент субъективности. Недаром же говорят, что сто голов – сто умов, не так ли? В конечном счете, если исходить из метода концепционных нормативов, сказать можно все, что угодно...

– Вот умора... – Он согнул туловище и захохотал, нарочито, с вызовом, раскачиваясь назад и вперед. – Значит, если вы не будете так на меня тарашиться, то с концепционными нормативами ничего не выйдет? Неужели я настолько не похож на человека?

– Ничего подобного. Скорее очень похожи. И если уж говорить откровенно...

– Совсем как человек, да?

– Разумеется, совсем.

– Почти неотличим...

– Да, решительно совсем как человек.

Он внезапно откинулся на спинку стула и, хлопнув в ладоши, разинул пасть так, что стали видны гланды. Я уже обрадовался было, что у него начался приступ эпилепсии, но, к сожалению, это оказалось просто приступом веселья. Он весь изгибался, взлаивал, как протудившаяся собака, вытирал слезы рукавом своей фланелевой куртки и говорил прерывающимся голосом:

– Ох, сэнсэй, умру... «Совсем как», говорите... Ей-ей, умру!.. Да ведь я же самый настоящий человек, сэнсэй! «Совсем как», говорите... Ну, вы меня совершенно убили!..

– Это что же, вы меня разыгрывали?

– А вы еще сомневаетесь?

– Ну знаете ли, вы и фрукт, доложу я вам...

Он захохотал еще громче. Нечего сказать, лихо он со мной обошелся. Я ощутил жгучую горечь, словно мое сердце погрузили в крепкий рассол, но внезапно напряжение спало и все мне стало безразлично, и тут хохот моего гостя мало-помалу заразил меня. Мы хохотали дуэтом более трех минут. Он – пружинисто, как натянутая резина, я – расслабленно.

7

Дверь вдруг без стука отворилась, и в комнату просунулось озабоченное лицо жены.
– Какого вы чаю желаете? – осведомилась она.

Она силилась говорить небрежным тоном, но по всему было видно, что она подслушивала за дверью и исполнилась беспокойства. Когда мы принялись хохотать, она не выдержала и, воспользовавшись первым подходящим предлогом, вышла на разведку. Она открыла дверь в разгар идиотского ржания, и это вызвало у меня чувство протеста, но в то же время было приятно, что она волнуется за меня, я понял, что обрел союзника на поле боя, и стал усиленно ей подмигивать, стараясь дать понять, что оснований для беспокойства нет, но она не понимала, и озабоченность все сильнее разливалась по ее лицу. Должно быть, нервная система гостя уловила мои сигналы. Его взгляд, как у теннисного судьи, несколько раз метнулся от меня к жене и обратно, а затем, словно заметив нарушение правил, он уставился на жену и сказал:

– Чай – это превосходно... Ловлю вас на слове, мне бы чаю по-европейски... Этот европейский чай – самый обманчивый и безвредный из напитков. В отличие от зеленого чая или, скажем, от кофе решительно невозможно определить, дорогого он сорта или дешевого, если положить побольше лимона и сахара...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.